

БЕСЕДКА

Целый день, преодолевая телефонную блокаду, я дозванивалась до Дмитрия Киселева, ведущего программ «Час пик» и «Окно в Европу». То он занят, то его нет, то он только что вышел или еще не пришел. Достать удалось только в девять вечера. На мою просьбу об интервью Дима ответил: «У меня настолько плотный график, что я даже не знаю, ко-

гда смогу с вами встретиться. В воскресенье утром я уезжаю на конюшню с сыном, а потом мне нужно ехать в Куженкино, это 350 километров от Москвы. Хотите, составьте мне компанию». — «С удовольствием», — отвечаю я. Следует пауза, затем — вопрос: «Аня, вам уже есть восемнадцать?». Восемнадцать мне уже есть. Так и договорились.

ТЫСЯЧА КИЛОМЕТРОВ С ДМИТРИЕМ КИСЕЛЕВЫМ

Дмитрий ждал меня на Ленинградском шоссе в 10 утра. Вид у него был уставший.

— Не выспались?

— Да я и не ложился.

Мы направились в Зеленоград забирать с дачи сына Дмитрия, Глеба. Глебу девять лет.

— Глеб хорошо ездит верхом?

— Ничего. Уже скачет рысью. Очень хочет попробовать галопом, но я пока не разрешаю. Может быть, сегодня. Посмотрим.

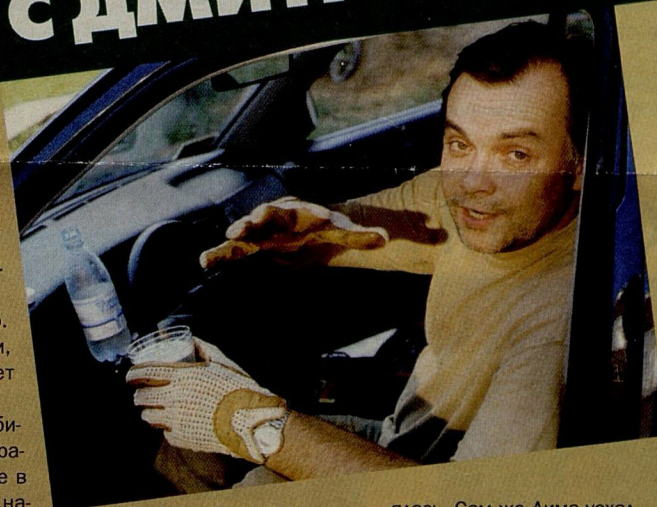
У Глеба есть на конюшне любимая лошадь — Саманта. Очень красивая. Когда Глеб садится на нее в шлеме и перчатках — ну просто настоящий жокей. В этот день у Глеба было боевое крещение. Он первый раз упал с лошади.

— Больно? — спросил его Дмитрий.

— Нет, не больно, но до сих пор болит. Как сказали на конюшне, еще 32 раза — и будешь наездником. Потому что пока не упадешь 33 раза, ездить не научишься.

На боевое крещение сына, по сложившейся традиции, папа поставил бутылку шампанского.

Накануне вечером Дмитрий предупредил меня, что нужно взять с собой джинсы и сапоги без каблука, если я хочу поехать на лошади. Решив, что это слишком смело для меня, я поехала налегке. Хозяйка конюшни сочла за оскорбление мой отказ и убедила-таки облачиться в бриджи. Мне дали самую спокойную лошадь — русского тяжеловоза Мотю. «На нее младенца можно сажать, ничем не рискуя», — сказала Ира. И действительно, Мотя вел себя идеально. Мерно переступая, он не обращал внимания ни на мои охи и ахи, ни на пасущихся на лужке коз, которых я ужасно бо-

ялась. Сам же Дима уехал в поля, а там — галопом по воде и рысью по мелководью Клязьмы. «Сегодня был хороший день», — сказал он позже. — Сырок вел себя идеально».

Мы уехали с конюшни в два часа дня. Впереди более семисот километров. Честно сказать, я боялась. Человек не спал ночь, провел два часа в седле и теперь поедет в такую даль.

— Дима, а вы попадали в аварии?

— В серьезные — редко. Однажды летел с моста.

— Как с моста?

— Это было в Финляндии. Я ехал с Олимпиады в Лилехаммере, и в машине заиндевело боковое стекло. Я стал его отскребать и так увлекся, что не заметил, как дорога ушла в сторону, а впереди — мост. Когда я посмотрел вперед, уже был в полете.

— Машина перевернулась?

— Слава богу, нет. Приземлился мягко. Повредил позвоночник и сломал два ребра. Меня спас ремень.

— А я пристегиваюсь, только когда не доверяю мастерству водителя.

— Причем тут мастерство водителя? Пристегиваться нужно всегда. Это правило безопасности. Автомобильный ремень — это не на уровне эмоций. Просто сели и пристегнулись. Все. А дальше можете доверять или не доверять — это ваш личный выбор.

— Дима, а какую часть вашей жизни занимает автомобиль?

— Мне никто никогда не дарил машин, свой первый автомобиль я купил в 29 лет. Предпочитаю надежный автомобиль, у меня были и «Мерседес», и БМВ. Но садясь в «Мерседес», сегодня вы попадаете в совершенно определенную компанию. У меня есть «Ока». Я сажусь в нее и получаю человеческое общение. Мой «штатный» автомобиль — Lendrover, на котором я езжу уже два года. А вообще, автомобили — это отдельная и большая тема.

В деревне Куженкино десять дней назад Дима оставил свой сломанный Lendrover и прицеп с досками, которые вез из Финляндии. Он строит сауну за городом.

— А почему доски из Финляндии? Что, в России не нашлось досок?

— Сухих досок в России нет. И потом — в Финляндии дешевле. Хотя, может быть, это та же русская елка. Все эксперименты с российскими стройматериалами и российскими строителями я закончил. Деньги те же, а проблем с нашими в два раза больше.

— Вы оставили машину и доски прямо на дороге?

— Нет, у поста ГАИ.

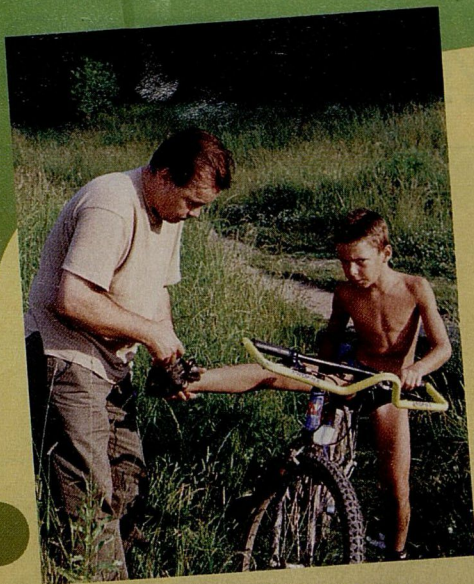
— А если угонят?

— Машину не угонят, она без колеса, и прицеп не увезут. Я спокоен. Мои друзья проезжали, говорят: «Стоит твоя машина, видели». Там хорошие ребята на посту.

— Вас узнают сотрудники ГАИ?

— Когда как. Ну вот я сейчас не брит, не в

белой рубашке. Когда случилась эта история с досками, мы ехали с другом. Ночевали в машине, кое-как добрались до Петербурга. Захожу в гостиницу, спрашиваю, могу ли я от них позвонить. «Да, — говорят, — пожалуйста, звоните». Набираю номер, а девушка, сотрудница гостиницы, смотрит на меня и говорит: «Вас трудно узнать, ведь на лице у вас такой парик». Мне это очень понравилось. Я вообще бреюсь только к эфиру.

К семи часам мы добрались-таки до деревни Куженкино. Со слезами на глазах посмотрел Дима на свою «безногую» машину и принялся грузить доски с прицепа. Вдвоем с водителем грузовика, на котором потом и поехали доски, они перегрузили целый прицеп буквально за час, после чего Дима легко сел за руль и мы отправились обратно. Грузовик ушел вперед, мы остановились по дороге поесть. Возвращаемся, садимся в машину и видим, как к нам подруливает Толя, водитель грузовика. «Куда, — говорит, — вы пропали? Я боюсь один ехать, вдруг меня остановят, у меня никаких документов нет на доски». — «Какие документы? — спрашивает Дима. — У меня их тоже нет. Я что, вагон везу, что ли? Там двадцать досок, это же не товарное количество». Всю оставшуюся дорогу мы старались не отставать от Толи, чтобы контролировать ситуацию.

Я постоянно спрашивала Дмитрия: «Не устаю, не уснете? Ноги не болят?».

— Ноги не устают. Я сапог поставил на педаль и еду. У меня сапоги хорошие. Милиейские. Както пришел в отделение милиции оформлять документы. Сидят три милиционера. Один — в новой форме, при параде. Я как увидел его сапоги, сразу подумал: вот такие мне нужны на конюшню. Подхожу и спрашиваю:

— Скажите, товарищ лейтенант, где вы получаете такое прекрасное обмундирование?

— У нас в Карачарово есть база... 250 километров от Москвы.

— А не хотите ли вы, служивый, продать мне свои сапоги? Уступить по сходной цене? Какой у вас размер?

— Сорок второй.

— Как раз мой.

— Но они ведь новые!

— Так тем они и ценны, что новые. Если выйдете хотя бы один раз в них из отделения милиции, они будут уже не столь интересны.

— Как же я буду служить без сапог?

— Ну как? Вот два ваших товарища служат в ботинках и, по-моему, прекрасно себя чувствуют. Разве нет?

— Ну я не знаю...

В это время двое других уже показывают ему: ты что, мол, дурак? Соглашайся, мы сейчас быстро на троих купим чего-нибудь. Тут я понял: это союзники.

— Ну вот и ребята со мной согласны. Назовите свою цену.

В этот момент я уже понимал, что еще шесть-семь минут чисто формальных препирательств — и сапоги мои.

Он мялся, мялся. Потом назвал.

Я говорю: «Согласен».

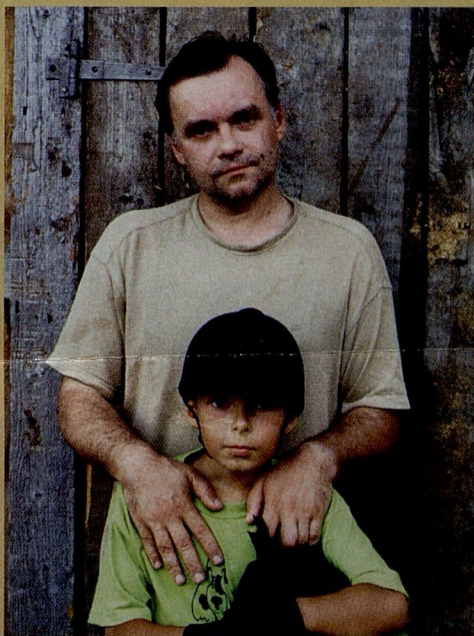
— Как, вот так сразу? А что же я, в портяках останусь?

— Нет, ну что вы, я вас свожу домой, вы переоденетесь и продолжите службу.

Сели в машину, он мне объявляет другую цену.

— Нет, — говорю, — служивый, давайте как договорились. Вы ведь уже и ребятам сказали, как-то неудобно.

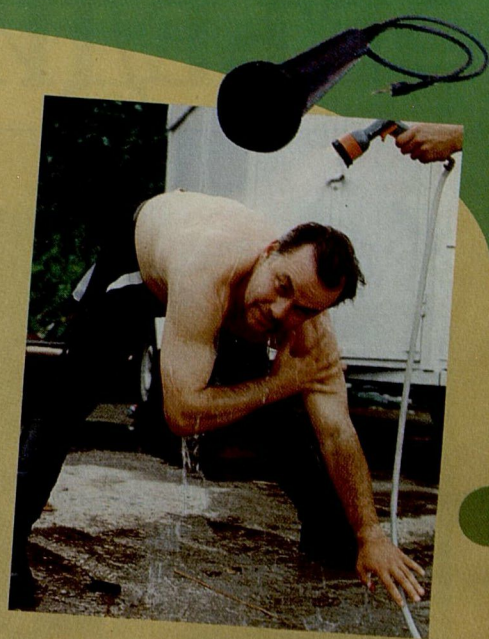
Он переобулся, вынес мне сапоги, отвез я его обратно и уехал. Замечательные сапоги. Вну-

три — кожа. Уже год катаюсь на лошади и прекрасно себя чувствую.

Дмитрий Киселев был официально женат пять раз. И считает, что рассказывать об этом неинтересно, а слушать — и подавно. А о своем отношении к женщинам он говорит следующее:

— Неделю назад я понял очень важную вещь. На конюшне был жеребец, его хозяйка не могла на нем ездить, потому что он бурно реагировал на каждую кобылу и в эти моменты был просто неуправляем. Тогда она решила его кастрировать. Я приезжаю и вижу: врач берет жуткие щипцы, накачали жеребца морфием, чтоб ничего не чувствовал, и совершает этот акт кастрации. В ведре с порозовевшей от крови мутной водой лежат на дне два шара размером с кокосовый орех. И все — станет спокойнее, можно будет работать с лошастью. Так вот, тогда я с какой-то новой очевидностью понял, что мужское заложено природой. И ничего с этим не поделаешь, это как химическая формула. Если женщина добивается женской эмансипации, равноправия и так далее, я не имею ничего против. Но женщин, стремящихся общаться на равных на все сто процентов, я считаю това-

рищами. Они не вызывают у меня каких-то вибраций мужской души. Если они хотят зачеркнуть в себе женщину, это их личный выбор, который я уважаю. Я говорю им «Да»!

— Дмитрий, как вы считаете, должен ли мужчина содержать любовницу?

— Что значит любовницу? Мне не совсем понятно.

— Ну как же?.. Бывает жена, а бывает любовница. Когда жены нет — бывает просто любовница.

— Мне это непонятно. Я не знаю, что такое любовница, я знаю, что такое жена. Жену — должен.

Мы вернулись в Москву уже в третьем часу ночи. Когда все операции с досками были закончены, Дима поехал отвозить меня домой. Мама Димы очень волновалась. Тысяча километров за день после бессонной ночи, физические перегрузки, безусловно, внушают опасения. «Я боюсь, как он поедет, может быть, вы, Аня, позвоните домой и скажете, что останетесь у нас. Я подтверждаю, что с вами здесь ничего не случится». Я отказалась, но все-таки сказала Дмитрию, что могу поехать на такси.

— Я отвезу вас, никаких проблем. А маме нужно сказать, что ехать — это мой личный выбор и не оставаться здесь — это тоже ваш личный выбор и его нужно уважать. Я всегда уважаю личный выбор каждого. Он мне, может быть, не всегда понятен, но я его уважаю.

Анна Носенко

